

Летающие убийцы

Автор:

Сергей Самаров

Летающие убийцы

Сергей Васильевич Самаров

Спецназ ГРУ

В горах Кавказа обнаружен секретный цех по производству беспилотников. Там пленные рабочие собирают летательные аппараты, с помощью которых экстремисты впоследствии совершают теракты против мирного населения. Найти и уничтожить преступный конвейер поручено взводу старшего лейтенанта спецназа ГРУ Виталия Лукрепциева, при этом нужно освободить из плена и вывести в безопасное место работающих там ценных программистов...

Сергей Самаров

Летающие убийцы

© Самаров С., 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава 1

Мы с честью выполнили очередное боевое задание, уничтожили банду, терроризирующую мирное население Дагестана, вместе с ее эмиром. Теперь мои бойцы ждали подхода боевых машин пехоты.

Взвод, которым я командовал, должен был вернуться в расположение сводного отряда спецназа ГРУ, действующего на Северном Кавказе. Проще говоря, в казарму, где мы обосновались на полгода. Именно столько времени должна была продолжаться наша командировка, половина которой уже прошла. За эти три месяца мы настолько привыкли к казарме, что считали ее своим домом.

А пока машины не пришли, я приказал бойцам взвода отдыхать. Мы ведь только что вышли из боя, который с небольшими перерывами длился почти трое суток. Солдаты были измотаны, держались только на морально-волевых качествах.

Основательно измотан, говоря честно, был и я. Но у меня еще были дела, поэтому отдыхать я себе пока позволить не мог. Решил, что дотерплю до казармы. Да и в дороге, если не на броне ехать буду, смогу слегка вздремнуть.

Обратный путь безопасен, можно позволить себе устроиться внутри БМП. Хорошо было бы воспользоваться вертолетом, на котором к устью ущелья прибыли офицеры следственной бригады. Но пилоты спешили куда-то дальше и взять на борт взвод не могли. Я вынужден был вызывать БМП.

А мне пока следовало завершить работу. Я уже написал два рапорта. Именно это необходимо было сделать в первую очередь. Один предназначался для республиканской следственной бригады, второй – моему командованию.

Первый я уже передал подполковнику Рагимову, круглоголовому и абсолютно лысому крепышу в темно-синем мундире, руководителю следственной бригады. Я впервые работал вместе с ним. Следственную бригаду, как правило, возглавляли одни и те же старшие офицеры. Этот подполковник, видимо, был новичком в данной структуре. Мне показалось, что он держался как-то не очень уверенно. Или же просто время подошло, получил человек повышение по службе и стал руководителем следственной бригады. Поэтому он и стеснялся пока еще вести себя жестко с теми людьми, с которыми совсем недавно был ровней, с кем вместе работал.

Второй рапорт, куда более короткий и по-армейски лаконичный, предназначался начальнику штаба сводного отряда спецназа ГРУ майору Рыженкову. Эту бумагу я убрал в свой офицерский кожаный планшет, дважды пробитый пулями и слегка посеченный осколками, но привычный, поэтому не замененный на новый. Заплатки показывали места ранений. Если бы мой планшет был одушевленным существом, то он наверняка гордился бы собственным званием боевого ветерана.

Все мы, командиры подразделений спецназа, уже привыкли к тому, что следователи физическую работу, тем более пахнущую кровью в прямом смысле этого слова, не очень-то любят. По прибытии на место руководитель следственной бригады обычно приказывает, хотя такого права не имеет, командиру боевого подразделения перенести в одно место всех убитых бандитов. То есть наши солдаты используются как санитары морга.

Обычно мы, офицеры, такому приказу подчиняемся по двум причинам. Первая такова. Все-таки нам старший офицер приказывает, а мы в армии привыкли субординацию уважать. Вторая состоит в том, что не самая приятная работа по переноске трупов идет бойцам на пользу, вырабатывает привычку не брезговать чужой кровью.

Но в этот раз я отказался категорически и легко обосновал такое вот свое решение тем, что мои бойцы на ходу засыпают, поскольку трое суток без перерыва вели бой. Если я и лукавил, то совсем немного. Перерывы у нас были, но весьма незначительные. Использовались они не для сна, а для перегруппировки или оборудования новых позиций.

Во время боя, даже самого длительного, бывает не до сна. Ты попросту забываешь о том, что организму тоже иногда требуется отдых. Но, как только бой завершится, усталость сразу накатывает на тебя. Она оказывается такой же тяжелой, как и асфальтовый каток.

Подполковник Рагимов посмотрел на моих солдат, которые уже спали вповалку там, где нашли себе место, прямо на камнях или рядом с ними. У всех были при себе специальные подстилки для сна на голой промерзшей земле, но многие бойцы даже вытаскивать их из рюкзаков не сочли нужным. В принципе, костюм из комплекта оснастки «Ратник» в зимнем варианте имеет термобелье, которое не позволяет телу застыть даже на льду. Мои парни этим пользовались.

Я по себе знал, насколько они устали, поэтому не стал будить ребят, улегшихся прямо на промерзшей земле, и приказывать им устроиться в других местах. Понял, видимо, их состояние и подполковник Рагимов.

– Ладно, я свою охрану загружу, пошлю тех, кто от поста свободен, – заявил он. – А ты, старлей, пока не засыпай. Я только приказ отдам и вернусь. Допрошу тебя как свидетеля.

Это тоже обычная и привычная процедура. Правда, некоторые следаки этот допрос проводят так, словно обвиняют тебя в убийстве невинных, миролюбивых и несчастных бандитов. Я с таким уже не однажды сталкивался.

Но Рагимов мне таким не показался. Он вроде бы был настроен вполне благодушно.

Поэтому я сразу согласно кивнул и сказал:

– Жду, товарищ подполковник.

После этого я покрепче устроился на камне, на котором раньше сидел бочком. Больше всего на свете мне хотелось свалиться под него и уснуть.

Охрана у следственной бригады была немногочисленная. Около отделения, может, чуть больше. Это были парни в черной униформе без обозначения какой-либо конкретной службы на спине. Обычно так одеваются бывшие бойцы СОБРа или ОМОНа, в настоящее время переданные для продолжения службы в Росгвардию.

Любой ОМОН предназначен прежде всего для охраны порядка на всяких общественных мероприятиях, то есть для разгона несанкционированных демонстраций, митингов и тому подобных действий. Он составляется большей частью из прапорщиков.

СОБР специально сформирован для действий против организованной преступности, бандитов, обычно использующих оружие. Формируется СОБР из старших офицеров.

Судя по возрасту этих ребят, я подумал, что охрана следственной бригады сформирована из бойцов ОМОНа. Вот пусть они и работают. Им очень полезно будет размяться, убитых бандитов за ноги потаскать.

Я сидел на камне и ждал возвращения подполковника Рагимова. При этом мне приходилось усилием воли вставлять между веками виртуальные спички, поскольку глаза у меня закрывались сами собой.

Но они открылись достаточно широко, когда я увидел, что руководитель следственной бригады возвращается не один. Рядом с ним двигался, намеренно сокращая широкий шаг, человек ростом под два метра. Он был в гражданском городском костюме, в рубашке с галстуком. Оружия при нем я не заметил.

Шли они явно ко мне. Эта пара выглядела весьма комично. У подполковника Рагимова рост был только слегка за сто шестьдесят сантиметров. В одиночку он выглядел просто коренастым крепышом. А вот рядом с великаном, к тому же еще и широкоплечим, казался смешным карликом. Даже шаг руководителя следственной бригады выглядел семенящим и слегка суетливым.

Когда к нам пришел вертолет, я наблюдал высадку следственной бригады и охраны. Человека такого роста, тем более одетого в гражданский костюм и даже с интеллигентским галстуком, я запомнил бы обязательно. Но в вертолете такого персонажа не было. Это я мог сказать гарантированно. Даже если бы он прилетел, уцепившись за лопасть силового винта, я все равно заметил бы его.

Поэтому у меня и возник вполне естественный вопрос. Откуда он мог здесь взяться?

Выправка у нового человека была явно военная. Это я сразу определил тренированным глазом. Судя по возрасту, он должен был быть старшим офицером.

При приближении этой пары я встал с камня, вглядывался в того и другого и, честно говоря, ожидал каких-то неприятностей, хотя и сам не сумел бы обоснованно сказать, почему именно. Просто грубое, как из камня вырубленное лицо великана было слишком уж серьезным и сосредоточенным. Оно словно бы предрекало неприятности.

– Это, старлей, по твою душу гость. Знакомься. Командир отдельного разведывательного отряда Росгвардии подполковник Звягинцев Евгений Андреевич.

– Старший лейтенант Лукрепциев, – представился я.

– У Евгения Андреевича есть вопросы к тебе как к непосредственному участнику событий. Хотя я, с твоих, естественно, слов, в общих чертах уже все объяснил ему, но он желает услышать все из твоих уст. Дело касается беспилотников, используемых бандитами. Не возражаешь?

– Не возражаю, – согласился я.

– Думаю, мы найдем общий язык, – сказал гигант-подполковник и с широкой улыбкой протянул мне ладонь, размерами весьма похожую на двухместное сиденье в автобусе.

Но руку мою Звягинцев пожал довольно аккуратно, нисколько не злоупотребляя своим явным физическим превосходством надо мной. Мне по крайней мере не пришлось после этого рукопожатия трести пальцами, каким-то чудом спасшимися от неизбежного, казалось бы, перелома.

– Слушаю вас, товарищ подполковник. Что вас интересует конкретно?

– Все, что связано с беспилотниками. От начала до конца. Ты, старлей, часто сталкивался с тем, что бандиты применяли их против тебя?

– Текущая полугодичная командировка как раз с этого и началась. Сначала мы уничтожили банду эмира Рагима Арсланова. У него два беспилотника было – вертолетного и самолетного типа. Потом операция против банды, которая желала разрушить плотину Чиркейской ГЭС. Слышали, наверное. Вокруг этого дела шуму было много.

– Слышал. Так это ты там был!

– Да, во главе своего взвода принимал участие в боевых действиях.

– Понятно. Мы на учебе разбирали вашу операцию. Перенимали, так сказать, боевой опыт смежников. Обучались работать с теми же приборами, которыми пользовались вы.

– Высокочастотные излучатели? REX 1, не так ли? – поинтересовался я.

– Они самые. Вижу, у тебя один боец спит, подложив кейс с аппаратом под голову. Это значит, что ты и сейчас его использовал, да? – напрямую спросил подполковник.

При этом он кивнул в сторону моего заместителя старшего сержанта контрактной службы Васи Ничеухина, который как раз и запихнул себе под голову кейс с высокочастотным излучателем. Он уже хорошо освоил этот аппарат и начал работать с ним в штатном режиме.

– Так точно! Мы уничтожили два беспилотника бандитов. Первый получил дозу высокочастотного излучения, потерял управление и врезался в скалу вместе с грузом бомб. Взрыв был впечатляющим. На небольшое землетрясение, честно говоря, тянуло. Скала обрушилась и завалила часть бандитов. Второй дрон был уничтожен моим снайпером младшим сержантом Сережей Агафоновым из винтовки «Корд». Он взорвался в воздухе. Осколки мы не собирали. Не до того было, шел бой. Да мы и вряд ли нашли бы их. Я думаю, что с такой высоты они разлетелись на несколько километров по всей округе. А с третьим беспилотником уже я справился. Я включил излучатель и перехватил на себя все управление летательным аппаратом. Но у меня не было бандитской программы управления периферией. Я не имел возможности провести бомбардировку позиции банды и ударить по ней ракетами, хотя и очень хотел это сделать. Поэтому мне пришлось использовать беспилотник в роли банального камикадзе. Этот взрыв уничтожил основные силы противника. Потом мы больше суток ловили в ущелье уцелевших бандитов. Их вместе с эмиром девять человек осталось. Сдаваться они не пожелали. Пришлось, товарищ подполковник, уничтожить этих милых, ни в чем не повинных ребят. – Я притворно вздохнул.

– Это понятно. Обычное дело, – сказал Звягинцев и едва заметно, только уголками губ улыбнулся.

Похоже было, что он неплохо знал установку, устно, не на бумаге данную всем, кто воевал с бандитами. Пленных не брать, стрелять на поражение! Такая

постановка вопроса уже давно стала для нас нормой.

Виной всему, скорее всего, стала не только жестокость этих самых бандитов. Тут были и другие моменты. Не только мне уже много раз приходилось встречаться со случаями, когда бандита захватят, отдадут под суд, вынесут суровый приговор и посадят. Через пару месяцев он попадаетея снова, уже в другой банде.

Именно по этой причине бойцам федеральных сил и местной полиции дается указание не брать пленных. Бандиты должны быть уничтожены, даже если они выходят с поднятыми руками.

История знает аналоги подобных случаев. Я читал как-то, что такое не раз бывало во время Великой Отечественной войны. Эсэсовцев тогда наши солдаты в плен не брали.

– Отработали вы, я слышал, очень даже неплохо, на девяносто девять процентов, – продолжил великан-подполковник.

– А почему не на сто? – осведомился я и добавил: – Или даже на сто три? Мне так куда больше нравится. Можно за каждый беспилотник прибавлять по проценту.

– Девяносто девять потому, что у бандитов было всего четыре беспилотника. А вы уничтожили только три. Где еще один?

– Извините, товарищ подполковник, но перед моим взводом не ставилась задача поиска беспилотников. Мы получили приказ на уничтожение банды, которая готовила террористические акты в столице республики. Правда, нас предупредили, чтобы мы были готовы к встрече с беспилотниками. Да, мы знали, что такие аппараты у противника есть, но не были уверены в том, что он применит их против нас. Бандитов и без того было несравненно больше, чем нас. Они были уверены в своих силах, скорее всего, даже рассчитывали нас уничтожить, но недооценили нашу подготовку и техническое оснащение.

– Да, это, видимо, моя вина. Не предупредил я вас о четвертом аппарате.

Я не понял сути этих слов. Но совершенно естественный вопрос у меня возник. Хотя я и знал, что со мной говорит командир отдельного разведывательного отряда Росгвардии. Этот подполковник имел полное право не отчитываться передо мной, всего лишь старшим лейтенантом, командиром взвода спецназа ГРУ. К слову сказать, я тоже не обязан был отчитываться перед ним за собственные действия.

– Кстати, а откуда вы знаете, сколько у бандитов было беспилотников? Извините, товарищ подполковник, за такую постановку вопроса.

– Знаю, потому как сам выдавал им с главного склада именно четыре дрона, не больше, не меньше. Я даже проводил дополнительное обучение операторов банды. Хотя они и сами уже все умели делать. Я только отдельные характерные моменты объяснял. Как раз по той самой периферии, с которой ты справиться не мог.

– Вы?.. – не постеснялся я показать свое удивление.

– Точно так. Я и выдавал, и обучал. Это входило в круг моих обязанностей в другой банде, где и делались беспилотники. Грамотных людей там было мало. На каждого из них возлагалось по несколько задач. – Подполковник Звягинцев выдержал классическую артистическую паузу, чтобы усилить мое удивление, и только потом добавил: – Помимо этого я передал все данные майору Рыженкову, начальнику штаба той самой бригады, в которой ты сейчас служишь. Он и послал тебя на уничтожение бандитов.

Я без особого труда догадался, что разговариваю с агентом глубокой конспирации, как они у нас называются. Может быть, в Росгвардии такие люди именуются как-то иначе, но сути дела это не меняет. У нас в спецназе ГРУ такую работу чаще всего выполняют завербованные бандиты. В Росгвардии же этим делом занимался командир отдельного разведывательного отряда, то есть фигура вполне значительная.

В таких подразделениях вообще, как я слышал, служат по большей части старшие офицеры, как и в СОБРе. Многие из них перед этим прошли очень даже хорошую школу. Так, я встречал одного офицера отдельного разведывательного отряда, который раньше служил в легендарном шестьсот четвертом Краснознаменном центре специального назначения «Витязь».

Уровень подготовки ребят из «Витязя» мало чем отличается от нашего. Мне уже приходилось воевать плечом к плечу с ними здесь же, на Северном Кавказе. Я в деле посмотрел, чего они стоят.

А в отдельные разведывательные отряды, как говорили мне знающие люди, начальство набирало лучших спецназовцев внутренних войск, когда они еще не входили в состав Росгвардии. Этот факт вызывал уважение.

Да и сама мощная фигура подполковника Звягинцева впечатляла меня. Особенно когда он шел рядом с руководителем следственной бригады, человеком весьма низкорослым, хотя и крепким физически.

– Я, товарищ подполковник, не имею возможности объяснить, куда пропал четвертый беспилотник, поскольку специально его поисками не занимался. Но базу уничтоженной банды мы осмотрели очень внимательно и ничего не обнаружили. Остается опираться на предположения. Они могут быть самыми разными и ничем не подтвержденными. В таких случаях я предпочитаю исходить из самых неприятных соображений.

– Например?

– Например, двое или трое бандитов вышли куда-то с базы для проведения террористического акта с применением беспилотника. Они взяли его с собой.

– Это как раз и есть то, чего я больше всего опасаюсь, – согласился со мной Евгений Андреевич. – Но мне не были известны планы бандитов по применению беспилотных летательных аппаратов. А расспрашивать их при выдаче им спецтехники я не имел возможности. Это вызвало бы подозрения и могло бы закончиться провалом моей разведывательной миссии. Тогда еще нельзя было допускать такое.

Не следовало иметь голову с компьютером, вмонтированным в нее, чтобы расшифровать эти слова моего собеседника. Если тогда было рано, то сейчас уже, видимо, время подошло. Подполковнику Звягинцеву требуется поддержка. Именно я и должен оказать ее. За этим он, по большому счету, и пришел.

Я спросил его об этом с армейской простотой, не допускающей никаких двусмысленностей:

– Тогда, товарищ подполковник, было рано, а теперь, как я понимаю, пора, да? Наступил какой-то момент истины?

– Ты правильно, старлей, все понимаешь. Час X пробил. Вскоре еще одна банда должна подойти за дронами. Я не знаю, правда, когда именно. Мне не известно, где она базируется. Поэтому следует сперва уничтожить одних, потом дождаться других и тоже ликвидировать. Я думаю, что ты, старлей, весьма сообразительный человек, хотя и спишь стоя. Тебе понятно, что отпускать банду с БПЛА никак нельзя.

– Понимаю. Теперь о том, что касается сна. Я-то, товарищ подполковник, могу еще потерпеть. У меня есть практика. А вот с солдатами сложнее. Им необходим отдых. А вам, как я подозреваю, требуются именно они, все бойцы моего взвода.

– Именно так. Ты, старлей, снова прав. Я только что, не более получаса назад, созванивался с твоим начальником штаба. Он с великим сожалением заявил, что у него сейчас просто нет свободных людей, и рекомендовал к тебе обратиться. Если твой взвод будет в состоянии. Да, именно так майор и сказал. Поэтому я вынужден спросить: твой взвод в состоянии вести боевые действия? Иначе банда может уйти вместе с беспилотниками. Никто не знает, где ждать новой атаки.

– Бойцам надо еще хотя бы час отдохнуть, – начал я выпрашивать.

Евгений Андреевич посмотрел на часы и заявил:

– Могу даже побольше времени выделить. Через час начнет смеркаться. А через полтора уже темнота придет. Вот тогда мы и начнем работать. Я подойду к тебе. Сам пока тоже отдохни, чтобы потом не спать на ходу.

– Есть отдохнуть! – четко ответил я и сразу переключил коммуникатор «Стрелец» на внешнюю связь.

Мне следовало переговорить с начальником штаба сводного отряда майором Рыженковым, через него отменить прибытие за нами боевых машин пехоты. Хотя, судя по времени, они уже должны были быть где-то рядом, на подходе.

Глава 2

Все прошло именно так, как я и предвидел. У штаба, как оказалось, не было прямой связи с колонной, состоявшей из трех БМП, отправленных за взводом. Вернуть их с дороги не получилось.

Я на всякий случай выяснил у начальника штаба, кто такой подполковник Звягинцев и насколько ему можно доверять.

– Надежный человек, толковый, грамотный офицер, опытный разведчик. Ты, Виталий Николаевич, сам того не зная, много раз по его наводке работал. – Майор Рыженков дал мне исчерпывающую информацию, уместил ее всего в несколько конкретных фраз, а потом добавил: – Рекомендую прислушиваться к его мнению.

– Товарищ майор, подполковник Звягинцев планирует использовать мой взвод в своей операции. Я должен перейти в его подчинение?

– Ты должен прислушиваться к его мнению, как я сказал. А относительно использования взвода подполковник Звягинцев меня спрашивал. Это я его к тебе направил. У нас весь народ в разгоне по всему Северному Кавказу. Та же история и со спецназом Росгвардии. Есть только ОМОН, но Звягинцев, как и ты, хорошо знает, что это такое, и потому брать их не хочет. А ты со своим взводом рядом с ним. Отправляйся к месту работы. В пути и отоспишься. Думаю, БМП-3 со стомиллиметровыми пушками тебе на месте очень даже пригодятся. Они специально отправлены с полным боекомплектom. Отработай, Виталий Николаевич, по обеим бандам!

– Есть отработать, товарищ майор!

Получив приказ, я почувствовал себя спокойнее, устроился у камня, на котором раньше сидел, и мигom уснул.

Очнулся я, несмотря на усталость, от едва различимого шума шагов. Ко мне кто-то приближался. Подсознание сработало, разбудило меня так же четко, как в момент опасности, сразу с чистой головой, ясным взглядом и при полной памяти.

Я открыл глаза и увидел, как Звягинцев приближался ко мне. При этом он старался не шуметь, ступать как можно тише.

Рядом с ним опять шел руководитель следственной бригады подполковник Рагимов. Этот человек, довольно мелкий в сравнении с коллегой, двигался куда более звучно. Видимо, он не был обучен скрадывать свои шаги. Да ему ведь по жизни, если честно сказать, такое умение требовалось только тогда, когда возникала необходимость посетить кабинет большого начальника, а это тоже не каждый час и даже не каждый день случается.

Я не торопился встать при приближении двух старших офицеров. Они подходили ко мне, а я тем временем оценивал обстановку.

Бойцы моего взвода по-прежнему отдыхали, беспрекословно выполняли мой приказ. В стороне, у входа в ущелье, у самых его ворот, как здесь принято говорить, стояли три боевые машины пехоты. Их прибытие я самым благополучным образом проспал, хотя, кажется, и слышал шум двигателей.

Зрение у меня всегда было отличное. Несмотря на начинающийся сумрак, я без особого труда рассмотрел на башнях символику – летучая мышь над стилизованным земным шаром. Это была эмблема спецназа ГРУ.

Значит, подошли наши БМП-3. При этом кто-то, скорее всего подполковник Звягинцев, распорядился не будить меня докладом о прибытии машин.

Я встал во весь рост только тогда, когда расстояние между нами составляло уже меньше трех шагов. Даже не встал, а вскочил, если говорить по правде, и принял стойку «смирно», памятуя рекомендации своего начальника штаба насчет того, что я должен прислушиваться к мнению подполковника Звягинцева.

Такое мое поведение диктовалось еще и пониманием того простого факта, что просто так, даже с большими связями в верхах, командиром отдельного разведывательного отряда никто стать не сможет. Такую должность надо еще заслужить. Звягинцев сделал это.

– Готов, товарищ подполковник! – сообщил я. – Прикажете поднимать взвод?

– Подожди, сначала я тебя в курс дела введу, потом посоветуемся.

Несмотря на большущую разницу в званиях, он тоже относился ко мне, как я понял, с уважением. Подполковник признавал за мной большой боевой опыт.

Наверное, стоит сказать, что опыт бывает разным. Он свой у любого военного человека. Не каждый боевой офицер может быть толковым разведчиком. Не всякий разведчик обязан уметь командовать даже взводом в боевой обстановке.

Официально я тоже считаюсь военным разведчиком. Но у нас существует своя градация.

В низшем звене есть, например, так называемые маршрутники. Перед выводом агента за границу они прощупывают ситуацию в тех районах этого государства, где ему предстоит работать, изучают различные жизненные мелочи. Их может интересовать, допустим, стоимость проезда на автобусе от одного населенного пункта до другого.

Потом все эти данные, полученные от них, изучаются в аналитическом центре разведуправления. Его сотрудники дают конкретные рекомендации человеку, выводимому за границу.

Агенты чаще всего проваливаются на мелочах, которые они должны были бы знать. Чтобы выяснить эти детали, и существуют маршрутники, самая низшая категория разведчиков. Обычно они состоят из завербованных уголовников, граждан той самой страны, в которой и предстоит работать агенту.

Наши подразделения выполняют иные задачи. Мы призваны проводить, предположим, разведку боем, чтобы прощупать силы противника на каком-то участке, определить количество и месторасположение его огневых точек. Проходим мы и подготовку в глубоком вражеском тылу, где можем и данные собирать, и работать как классические диверсанты.

Именно эта забава среди нас, офицеров спецназа ГРУ, считается самой интересной и привлекательной. Ее вполне можно назвать даже нашим любимым делом, хотя мало кому из нас удавалось заниматься им от всей души, в полном объеме. Для этого следует принимать участие в полномасштабной войне. А такая в последний раз была в Чечне. Завершилась она еще до того, как я по

окончании училища пришел служить в спецназ.

Тем не менее я всегда готов к выполнению любого приказа, а пока же чаще всего занят уничтожением в горах банд, не добитых в Сирии и Ираке и пришедших на территорию моей страны. Обычно эти подонки представляются как фанатики ислама. На самом же деле их в первую очередь интересуют деньги.

У меня во взводе в разное время служили несколько верующих мусульман. Нормальные, хорошие парни. Мнение о представителях этой религии сформировалось у меня на их примере. Бандиты, действующие в горах Дагестана или любой другой республики Северного Кавказа, здесь были совершенно ни при чем.

– У тебя карта района есть? – спросил Евгений Андреевич, опускаясь на тот самый камень, на котором я раньше сидел, а потом и спал возле него.

Я вытащил из большого нагрудного кармана командирский планшетник. В тех частях и подразделениях, которые получили экипировку «Ратник», такие приборы были выданы офицерам, начиная с командира батальона и выше. У нас же в спецназе ГРУ ими оснащены даже командиров взводов.

Загрузился мой планшетник быстро. Подполковник Звягинцев глянул на монитор, на котором я сразу открыл карту места проведения последней операции.

– Нам надо бы что-нибудь покрупнее, – сказал он. – С широким охватом местности. На сорок километров западнее. – Он так посмотрел на Рагимова, стоящего чуть в стороне, словно у того мог быть с собой полный набор карт Дагестана.

– Сорок километров, – повторил я и осведомился: – Так вы, товарищ подполковник, прошли это расстояние пешком?

– Не пешком, а бегом. Как только узнал, что здесь идет бой, предвидел результат, выбрал момент и побежал, – ответил Звягинцев.

Марш-броски на пятьдесят километров считаются нормой только в отдельных структурах. Например, у нас, в спецназе ГРУ. Большинство же прочих частей обходится десятикилометровыми. Слышал я, что в центре специального назначения «Витязь» пытались внедрить наш норматив, но потом от него отказались, сократили дистанцию более чем вдвое.

А тут громадный, тяжеловесный подполковник пробежал сорок километров и не выглядел изможденным, лишенным сил. Обычно стайеры отличаются сухим телосложением. Это вовсе не случайно. Ногам спортсмена совершенно незачем нести излишний вес.

Но подполковник Звягинцев без особого труда справился с изрядной дистанцией. Этим он вызвал у меня дополнительное уважение.

Подполковник, видимо, прочитал это в моем взгляде, заметно смутился и попытался объяснить:

– Я же не в бронежилете и без оружия бежал. Верхнюю пуговицу сорочки расстегнул и узел галстука ослабил.

Верхняя пуговица рубашки у него так и оставалась расстегнутой, узел галстука был слегка ослаблен. Кстати, несмотря на вечерний сумрак, я заметил, что сорочка на подполковнике не первой свежести. Оно и неудивительно после такой вот пробежки. Я по себе знал, сколько пота приходится пролить, развлекаясь подобным образом.

«Да и вообще встретить в горах человека в таком вот цивильном, европеизированном виде – это нонсенс», – подумал я, не удержался и спросил:

– Вы в горах всегда в костюме ходите, товарищ подполковник?

– Нет, старлей. Я в таком виде приехал в село, на свадьбу к знакомому человеку. Тот считал меня инженером-программистом и пригласил специально для того, чтобы передать бандитам. Я все это знал и позволил им себя похитить. Еще на подъезде к селу они остановили автобус и меня из него забрали под автоматными стволами. Узнать меня было не сложно хотя бы по росту. Да и вообще во всем автобусе я был единственным русским человеком. Я был готов к такому повороту событий, поскольку заранее знал о связи своего знакомого с

бандитами. Более того, я на это и рассчитывал. Кроме того, говоря честно, я по гражданской профессии и в самом деле программист, хотя своей крупногабаритностью заметно отличаюсь от классических представителей этой профессии. Да и пальцы у меня такие, что одним иногда, если сильно тороплюсь, сразу на четыре клавиши нажимаю. Так что, старлей, карты, значит, у тебя нет?

– Сейчас будет, товарищ подполковник, – сказал я и стал пальцем перемещать карту по монитору, захватывать все большее пространство.

Потом я передал планшетник Евгению Андреевичу. Этот аппарат легко поместился у него на ладони. А палец подполковника передвигал карту, пока на ней не открылось нужное место.

– Масштаб можно менять двумя пальцами или использовать плюс и минус, – подсказал я.

Подполковник приложил к монитору два пальца и развел их в стороны. Масштаб карты сразу значительно увеличился.

– Удобная штука, – признал Звягинцев.

– Особенно в боевых условиях, – добавил я. – Карты постоянно обновляются со спутника. Регистрируются все изменения, произошедшие на той или иной территории. Вот, видите, отдельные места красным пунктиром отмечены.

– Да, это наше ущелье, то есть бандитское. Все, как я вижу, соответствует реальности. Вот вход в мою пещеру. – Он ткнул пальцем. – Это склад. Здесь маленький грот, где стоят генераторы, обеспечивающие банду электричеством. – Палец подполковника перешел дальше, в глубину ущелья. – Тут общая пещера, где банда базируется. Рядом другая, так сказать, производственная. Там рабочие собирают беспилотники. Между ними еще одна, довольно маленькая. В нее можно войти как снаружи, так и изнутри, по природной галерее, тянущейся от жилой пещеры. В отдельном гроте с дверью содержатся пленники-программисты. Их четыре человека. Нам следует освободить их. Как это сделать, я не представляю, но знаю, что ты, старлей, уже занимался делами такого рода. Так что на тебя вся надежда.

– Где у бандитов выставлено охранение? – задал я следующий важный вопрос.

– В воротах ущелья торчал пост, три бандита с крупнокалиберным пулеметом «Утес». Я, когда уходил, голыми руками всех троих уложил. Сперва отправил их в глухой нокаут, а потом, в дополнение, шею им свернул, забрал затвор с пулемета и через пару километров засунул его под камень. Но сейчас там, конечно, уже сидят другие бандиты. Пулеметы у них в запасе есть. Они могут сменить и саму точку. Но эта самая удобная. С нее открыт обзор дальних подходов к ущелью. Судя по тому, что в меня, когда я уходил, никто не стрелял, больше постов нет.

– Каково общее количество бандитов? – спросил я.

– Сорок четыре человека, не считая эмира Мухетдинова. Хотя это вместе с теми ребятами, которых я убил на посту. Значит, теперь сорок один бандит остался. Плюс четверо пленников.

– Ворота ущелья довольно широкие, – всматриваясь в монитор, вслух высказал я свою мысль.

– Да. Расстояние между скалами составляет около восьмидесяти метров. Это минус. Но неподалеку просто нет других ущелий, имеющих такое количество пещер, подходящих для жизни. Удобства превосходят недостаток. Вдобавок он существенен только в темное время суток.

– У бандитов есть приборы ночного видения? – задал я следующий вопрос, интересующий меня.

– Насколько я знаю, только у снайпера на СВД стоит тепловизор. Этот тип входит в боевую группу, которая дежурство на посту не несет. У эмира Мухетдинова имеется инфракрасный бинокль. Но он его никому в руки не дает. Даже посмотреть не позволяет, бережет. На посту таких приборов нет. Иначе бандиты просто не подпустили бы меня к выходу. Больше я ничего подобного не видел, хотя смотрел специально. Нет, даже не по профессиональной привычке разведчика. Я уже тогда обдумывал план уничтожения банды. Этим мы с тобой, старлей, теперь и займемся.

– Какова боевая подготовка бандитов? – озвучил я следующую тему из тех, которые были важны для предстоящего боя.

– Есть там у них группа, о которой я уже говорил. Это настоящие боевики, прошедшие огонь и воду. Шесть человек. С ними придется повозиться. Воевать они, судя по всему, умеют. Остальные оружие носят больше для самоуспокоения и для удовлетворения самолюбия эмира Мухетдинова. Ему кажется, что любой из них умеет воевать. Он и о себе того же мнения. Да и сами они тоже так думают. Как и всякий здешний мужчина, взявший в руки автомат. Но это ошибочное мнение. Мой достаточно легкий уход из ущелья является тому прямым подтверждением.

– Вооружение?..

– Было три крупнокалиберных пулемета, осталось два. Ручных столько же. Пара гранатометов. Это устаревшие американские аналоги РПГ-7. Выстрелы к ним только осколочные. Не могу сказать, насколько гранатометчики обучены своему делу. Один из них числится в боевой группе, которая не занята ни в производстве беспилотников, ни в охране ущелья. Я вообще затрудняюсь сказать, зачем эта группа там нужна. Хотя меня, кстати, именно она и захватывала, как и других пленников. Второй гранатомет у простого рабочего. Он не ленится его таскать даже по лагерю. Вместо автомата. Очень гордится тем, что эмир доверил ему такое грозное оружие. Прикоснуться к нему никому не позволяет, даже второго номера расчета не имеет. Сам носит рюкзак с тремя выстрелами. Он у этого парня как часть парадно-выходной формы одежды. Есть в банде, как я уже сказал, снайперская винтовка СВД. Не знаю, каков запас патронов к ней. К автоматам большой, однако вот самих этих стволов, как ни странно, на всех не хватает. Пять или шесть человек из числа рабочих не вооружены. Хотя я не сказал бы, что они по натуре своей пацифисты. Эти люди пришли из-за кордона вместе с бандитами. Часть рабочих и больше половины боевой группы погибли во время столкновения с небольшим пограничным нарядом. Наши ребята тоже полегли, не дождалась подкрепления, но кучу бандитов все же уложили. Они изначально рассредоточились, заняли правильную позицию, вели прицельный огонь из пулемета и автоматов. Банда понесла весьма значительные потери. Особенно эмир переживал из-за гибели двух своих программистов. Взамен он похитил четверых в Махачкале, заодно и меня. Мне, однако, удалось втереться к нему в доверие. Сам Мухетдинов уже начал рассматривать меня почти как члена его банды. Это произошло после того, как я нашел ошибку в модульной программе по бомбометанию. В противном случае бандиты расстреляли бы всех программистов, в том числе и меня, а взамен выкрали бы новых. По нынешним временам сделать это не так уж и сложно. Куда ни плюнь, попадешь в юриста или в программиста. Я не могу сказать, кто именно допустил такую ошибку, нечаянно сделал это или

намеренно. Работали над программой все четверо. Они не делились своими проблемами не только со мной, но и друг с другом. Лишь один из них вел себя иначе. Есть там такой хлюпик – Даниял Гадисов. Он очень уж сильно переживал и ухитрился основательно достать всех нас своим нытьем. У него жена должна была первенца родить. Он боялся, что она из-за похищения мужа начнет, мягко говоря, нервничать и не сможет доносить ребенка. Я по своим каналам попытался навести справки о ней, но ничего выяснить не смог. Мои возможности в то время были сильно ограничены.

– А вы не опасались, товарищ подполковник, что это такая хитрая ловушка? Если бы вам удалось узнать что-то о жене этого парня и передать ему такие сведения, то главарю банды сразу же стало бы понятно, что вы агент.

Евгений Андреевич явно смутился. Да, в данной ситуации он проявил чисто человеческую слабость. Соболезнование другим людям – не самое лучшее качество для разведчика-профессионала. Стоимость подготовки такого агента достаточно высока. Он не может рисковать своим положением ради того, чтобы успокоить какого-то программиста. Это недопустимая, непозволительная роскошь, потакание своим слабостям за счет государства.

– Это все я понимал, поэтому дальнейшие свои действия хотел строить по результату, но такового не получил.

– Я могу свести вас с человеком, который, как мне кажется, сумеет узнать то, что вам требуется.

– Это кто?

– Подполковник Рахматуллин Владимир Ахметович из следственного управления ФСБ Дагестана.

– Владимир Ахметович слишком толст, чтобы быстро что-то сделать, – заявил руководитель следственной бригады подполковник Рагимов.

– Тем не менее работает он оперативно и с толком, – не согласился я с его мнением.

Я дважды работал вместе с подполковником Рахматуллиным и был в нем уверен.

– Мы с ним едва-едва знакомы, встречались несколько раз, но так, мимоходом. Как ты меня на него выведешь? – проговорил подполковник Звягинцев.

– Очень просто. Я позвоню ему прямо сейчас.

– Звони. Эти данные могут сгодиться в нашей операции. Пока не знаю, каким именно образом, но не исключаю этого. Ситуацию я объясню Рахматуллину сам.

Я вытаскил телефон и по памяти набрал номер следователя ФСБ.

Он ответил быстро. Видимо, аппарат лежал у него под рукой.

– Добрый вечер, Владимир Ахметович. Старший лейтенант Лукрепчиев беспокоит.

– Я по номеру понял, – сказал Рахматуллин.

Мол, память у меня тоже очень даже неплохая, не подводит.

– Чем могу быть полезен, старлей? – осведомился он.

– Вам сейчас выскажет просьбу подполковник Звягинцев, командир отдельного разведывательного отряда Росгвардии. Вы ведь с ним знакомы.

– Только слегка. А что за просьба, позволю полюбопытствовать?

– Необходимо навести справки о жене одного человека, программиста, похищенного бандитами в Махачкале. Только дело это срочное, поскольку нынешней ночью мы уже проводим операцию.

– Я сейчас сам, к сожалению, уже дома. Но дам задание соответствующей службе. Что смогут, выяснят. А ты, значит, сейчас вместе со Звягинцевым работаешь?

– Я со всеми работаю, товарищ подполковник. Передаю трубку Евгению Андреевичу.

Звягинцев разговаривал с Рахматуллиным не долго.

Он поздоровался с ним, передал ему данные на программиста Данияла Гадисова, вернул мне телефон и заявил:

– Владимир Ахметович сказал, что перезвонит тебе на этот номер в любом случае, независимо от результата. Как будем по нашему вопросу действовать? Соображения есть?

– Есть, товарищ подполковник. Нельзя упускать такой шанс, не воспользоваться шириной ворот ущелья. Не везде бывает такая возможность. Сначала мы снимем пост. Это задача для моих снайперов.

– Их у тебя сколько?

– Три. Но работать будут только два, поскольку у одного винтовка «Корд». Она годится для того, чтобы одним выстрелом поднять из могил всех мертвых на кладбище. Грохочет как артиллерийское орудие, поэтому для скрытной работы совершенно непригодна.

– Да, я знаю эту штукину. А две другие винтовки?..

– «Выхлоп» и «Винторез». Самое подходящее оружие для снятия часовых. Кстати, они в бронежилетах?

– Нет. Часовые ставятся из числа рабочих. А бронежилеты имеют только бандиты из боевой группы. Я понял твой вопрос, старлей. Скажи, «Выхлоп» может сразу двоих снять, если они без бронежилетов? Ведь так?

– Так точно, товарищ подполковник! Мой снайпер такой стрельбе обучен. Первому пуля в голову, второму – в грудь. Или наоборот, без разницы. Пуля калибра двенадцать и семь в состоянии десятерым головы снести. Главное, чтобы стояли удобно и дистанция позволяла.

– На нужную дистанцию твои ребята, я думаю, выйдут без особых проблем. Даже я сумел подобраться к посту незамеченным. Ваши солдаты всегда славились тем, что умеют быть невидимками.

– Они с удовольствием воспользуются такими своими способностями, товарищ подполковник, – пообещал я.

– Если дополнительных вопросов нет, то поднимай взвод, старлей. Нам пора выезжать.

Глава 3

Я переключил свой коммуникатор на внутривзводную связь. Те мои бойцы, которые на время сна сняли шлемы, все равно оставили их рядом с собой и должны были слышать мой вызов.

– Вася! Ничеухин! – негромко позвал я старшего сержанта контрактной службы.

Заместитель командира взвода отозвался сразу и тоже вполголоса, опасаясь разбудить других бойцов:

– Я, товарищ старший лейтенант!

– Поднимай взвод! Сон закончился. – Это я уже произнес громче, потому что знал по себе, как воспринимается первая фраза, услышанная еще до пробуждения, сквозь сон.

Если она бывает резкой, то не только сразу будит, но еще, согласно какому-то физиологическому закону, и будоражит, заставляет сердце колотиться сильнее. А это солдату спецназа ни к чему.

Старшему сержанту не пришлось повторять команду. Бойцы встали на ноги одновременно с ним и были готовы к любому развитию событий.

– Ручья поблизости нет, – сказал Ничеухин. – Умываться придется из своих питьевых запасов.

Я вспомнил карту и проговорил:

– Из соседнего ущелья ручей вытекает. Как доедем до этого места, я прикажу БМП остановиться, чтобы воды набрать. Можно сильно не экономить. Ужинать будем в движении. До ручья все находимся внутри машин, после перебираемся на броню. Ничеухин, скажи механикам-водителям, чтобы они подгоняли БМП сюда.

Старший сержант побежал выполнять приказ. Такое вот передвижение говорило не о его услужливости, а только о желании окончательно проснуться и разогнать кровь по телу.

Подполковник Звягинцев молча выслушивал мои команды и не высказывал удивления по поводу моего тихого голоса. Видимо, он уже сталкивался с системой коммуникации «Ратника» и понимал, что бойцы слышат меня отлично.

Боевые машины пехоты подошли без задержки. Ничеухин уже устроился в третьей из них, замыкающей колонну, как делал это обычно.

Я занял место оператора-наводчика в головной БМП, а командирское уступил подполковнику Звягинцеву. Оно самое удобное в боевой машине. Хотя я видел, что такому большому человеку и там было тесновато. Ему приходилось наклонять голову, чтобы не слишком часто стукаться затылком о крышу башни.

Я, конечно, мог бы пожалеть его и дать поносить свой шлем, но тогда сам лишился бы связи со взводом. Поэтому я решил, что подполковнику хватит обычного мягкого шлема с внутренней связью всех трех БМП.

Точно такие же шлемы носят, кстати, танкисты. Но у них, я слышал, через шлем осуществляется и связь с командованием. А в БМП связи с начальником штаба отряда майором Рыженковым не было.

Еще на мое решение не предоставлять Звягинцеву свой шлем повлияло то обстоятельство, что внутри БМП ехать нам предстояло совсем не долго, по моим подсчетам, около пятнадцати минут. Я заранее дал указания механику-водителю своей машины, головной в колонне. Как только БМП-3 тронулись, я посмотрел на часы и засек время. Мне хотелось еще раз проверить свое умение рассчитывать скорость передвижения.

Тот факт, что я умею это делать достаточно точно, опять подтвердился. На берег ручья мы прибыли на тридцать секунд раньше времени, определенного мной. Но тридцать секунд, как и минута, – это вполне допустимая погрешность при таких расчетах, когда скорость передвижения боевой машины контролируешь и определяешь не ты, а механик-водитель.

Во время недолгой остановки все мы пополнили запас питьевой воды, а потом заняли места на броне БМП, где существуют специальные ручки, называемые десантными, за которые можно держаться. Я заметил, что подполковник Звягинцев совсем не берег свой гражданский костюм и без стеснения сел на пыльную броню.

Шлем Евгений Андреевич еще не снял, и этот факт я одобрил. Нам ведь предстояло встать на таком расстоянии от бандитского поста, с которого часовые не услышат тяжелый звук мощных двигателей БМП. А в ночи он разносится несравненно дальше, нежели днем. Место остановки предстояло выбрать Евгению Андреевичу, поскольку он лучше меня знал местную обстановку. Я мог ориентироваться здесь, только глядя на карту, выведенную на монитор моего планшетника.

Звягинцев и выбрал. Через шлем внутренней связи он дал команду механику-водителю, и БМП послушно остановилась. За нашей машиной встали и две другие, поскольку распоряжение подполковника было слышно и в них.

– Сухогоров, Катков, ко мне! – тут же подзвал я двух из трех снайперов своего взвода, которым предстояло сейчас работать.

Для выполнения задания им необходимо было пробежать еще пару километров под отрогами хребта, огибая каменные языки там, где они сползают в долину особенно далеко. Надо сказать, что заблудиться на этом пути мои парни вряд ли могли.

У них имелись собственные приемоиндикаторы, представляющие собой планшетник в значительно усеченном виде. Не такой простой, как у каждого бойца взвода, тем не менее сильно уступающий по функционалу командирскому. В обычной армии этими приемоиндикаторами оснащаются командиры взводов, иногда – отделений. У нас в спецназе такой аппарат теперь имеет не только каждый командир отделения, но и снайперы, сапер, пулеметчики,

гранатометчик и огнеметчик, короче говоря, все бойцы, которым случается выполнять индивидуальную задачу.

Приемоиндикаторы снайперов имели набор карт, который я посчитал нужным переслать на них со своего планшетника. Поэтому мои ребята могли ориентироваться на местности.

Когда они подбежали к нам от второй БМП, на которой ехали все трое, я предоставил слово подполковнику Звягинцеву. Он и поставил им конкретную боевую задачу.

Евгений Андреевич определил сержанта Сухогорова по огромному глушителю на его винтовке. Такой только у «Выхлопа» и есть. Подполковник посоветовал ему попытаться одной пулей снять двух бандитов, чтобы у часовых в принципе не было возможности связаться со своим эмиром и поднять тревогу.

Василий Сухогоров был опытным бойцом.

Он не стал давать никакой гарантии, только коротко проговорил:

– Я постараюсь.

Не знаю, как воспринял такое заявление подполковник Звягинцев, но я уже понял, что Василию вполне хватит одной пули на пару часовых. Третьего снимет младший сержант Юра Катков.

– Карты я вам перебрал. Там есть отметка о местонахождении поста бандитов. Товарищ подполковник точно показал. Выходите на свою дистанцию, ориентируясь по карте. Постарайтесь передвигаться по прямой линии, чтобы время не тянуть. К каменным языкам отрогов не приближайтесь, иначе придется долго их огибать, – напутствовал я своих бойцов и приказал: – Вперед!

Вокруг уже стояла темнота, которая почти сразу и скрыла снайперов. Нам осталось только ждать.

– Как, старлей, думаешь, долго твои ребята работать будут? Может, нам стоит прямо сейчас всем составом выдвинуться поближе к ущелью? – произнес

Звягинцев.

– Я сам, товарищ подполковник, хотел это предложить. Обычно мы так и работаем. В этот раз ждал только вашего приказа. Сказалась армейская привычка к единоначалию.

– Давай так, старлей. Ты работай по-своему, как привык, а я буду только изредка подсказывать, использовать свое знание обстановки. Солдаты – твои подчиненные. Опыт у тебя есть. Вот и действуй!

– Понял, товарищ подполковник. Работаем. Взвод, вперед, за снайперами. Бегом марш!

В этот момент я стоял, положив руку на гусеницу боевой машины пехоты, довольно узкую по сравнению с танковой. Наша БМП как шла передовой, так и осталась ею при остановке. Подполковник Звягинцев сидел на броне, чуть сбоку и позади башни. Чтобы двинуться вперед, мне необходимо было только развернуться. Но я ждал, когда все бойцы соберутся вместе, чтобы сразу заметить, если кто-то из них вдруг отстанет.

Конечно, при нашем техническом оснащении потерять кого-то на любой местности практически невозможно. Даже в горах для этого потребуются определенные усилия, можно сказать, особый талант. Мой планшетник не только покажет точками местоположение всех бойцов. При включении особого модуля он выложит мне данные о физическом состоянии каждого из них.

Правда, с этими данными лучше всего разберется квалифицированный медицинский работник, которого в нужный момент рядом почему-то не оказывается. Даже санинструктор взвода не в состоянии составить по этой информации картину самочувствия того или иного бойца. Каждый человек индивидуален, он по-своему реагирует на обострение ситуации. Повышение частоты пульса или же кровяного давления мне лично мало о чем говорит. Поэтому данной программой я не пользуюсь. Хотя мне, конечно, следовало бы изучить ее подробнее, получить какие-то минимальные медицинские знания или хотя бы представления.

Взвод собрался рядом с головной машиной, то есть со мной и подполковником Звягинцевым. Тот как раз в этот момент снял с головы шлем внутренней связи и

через люк забросил его на командирское сиденье. На мой взгляд, сделал он это напрасно. Нам могла бы понадобиться связь с машинами. Но я не желал делать замечание старшему по званию, поэтому пошел другим путем.

– Ничеухин! – подозвал я своего старшего сержанта. – Остаешься в БМП на связи.

– Есть оставаться на связи! – отозвался мой заместитель.

Вообще-то, говоря честно, тут я оказался не прав, сразу понял, что следовало бы оставить в машине кого-то из молодых бойцов, призывников, не имеющих соответствующего боевого опыта. Кроме того, Ничеухин уже освоил работу с убийцей беспилотников, высокочастотным излучателем REX 1, и вполне мог заменить меня.

В моем понимании, хорош тот командир, который умеет признавать свои ошибки и исправлять их.

– Отставить! Ты с нами пойдешь. На связи остается Сысоев, – заявил я.

– Есть оставаться на связи, – отозвался рядовой третьего отделения, демонстрируя откровенную радостную улыбку.

Нисколько не секрет, что для солдат-призывников самым тяжелым испытанием всегда было и остается отсутствие сна. Сысоев, видимо, рассчитывал отоспаться под защитой брони, хотя я вовсе не был уверен в том, что ему удастся сделать это.

А подполковник Звягинцев вроде бы не понял, с чего я вдруг отдал такое приказание. Или же ему просто уже так надоел этот шлем, тесноватый для его большущей головы, что он был несказанно рад от него отказаться. После этого он принялся усердно растирать себе уши. Бывалые люди рассказывали мне, что таким вот образом менты приводили в себя пьяных в советских вытрезвителях. Правда, в отличие от тех стражей порядка, подполковник к своим ушам относился бережно, тер их не до крови.

Невозможность включения во внутреннюю связь приданных тому или иному подразделению людей я всегда считал крайне неудобным моментом. Оставлять

боевые машины не при деле при проведении операции было бы неправильным решением. Они часто оказываются крайне необходимыми в бою. Особенно БМП-3, имеющие по две пушки калибра сто и тридцать миллиметров. Свои задачи они выполняют отменно. Тот факт, что БМП не включены в общую систему связи, является большой недоработкой командования.

Надо сказать, что в условиях боя на сильно пересеченной местности, к примеру в ущелье, БМП становятся уязвимыми.

Хотя подполковник Звягинцев и сказал мне, что выстрелы к гранатометам у нашего противника только осколочные, которые не в состоянии повредить боевую машину пехоты, я все же предпочел проявить осторожность. Кто знает, откуда бандиты могут вытащить всего одну бронебойную гранату, которая может нанести нам значительный урон!

А осколочные гранаты нам, спецназовцам, не слишком страшны. Их американские варианты, насколько я знаю, начинены стреловидными поражающими элементами. Пробить бронежилет, шлем, даже штатные противоосколочные очки закрытого или открытого типа они просто не в состоянии.

Об этих самых очках, наверное, стоит сказать чуть подробнее. Экипировка «Ратник» предусматривает возможность ношения противоосколочных очков открытого и закрытого типа. Первые обычно надеваются на шлем и легко опускаются на лицо. Однако они не всем кажутся удобными из-за своей массивности.

Очки открытого типа больше напоминают солнечные. Они имеют в комплектации стекла желтого и серого цветов, соответствующие защите по первому классу. Их дужки имеют узлы регулировки. На сегодняшний день ни в одной другой армии нет очков открытого типа с такими характеристиками.

Остальные области тела бойцов защищает костюм оснастки «Ратник», тоже наделенный противоосколочными свойствами. Ткань, из которой он пошит, естественно, не такая прочная, как, скажем, бронежилет или шлем. Но, для того чтобы пробить ее, требуется, во-первых, чтобы граната взорвалась рядом, во-вторых, чтобы осколки летели в бойца прямо. Касательные попадания ткань выдерживает, хотя удар осколка тоже бывает чувствительным.

Это я по собственному опыту знаю, довелось испытать. Однажды осколок ударил мне в бедро и на добрые полминуты парализовал мышцы.

В условиях горного боя в качестве укрытия в основном используются камни. Достать бойца, спрятавшегося за ними, осколки могут только рикошетом. Стрельба из гранатомета ведется с расчетом именно на это. Но при рикошете поражающие элементы гранаты не в состоянии нанести нам значительный урон. Ткань наших костюмов выдерживает их, не позволяет нанести серьезное ранение, хотя небольшие контузии не исключены. Так было и со мной.

Я глянул в тепловизионный бинокль и сразу увидел обоих снайперов.

Опасности я не заметил и приказал:

– Взвод, за мной.

Я бежал в среднем темпе, вполне достаточном для настоящего момента. Сейчас не стоило догонять снайперов, как и сильно отставать от них.

При этом я не стал приказывать подполковнику следовать за взводом, поскольку чином для этого не вышел. Он сам должен выбирать, где в какой момент ему находиться. Так сказать, привилегия звания. Шагов его за спиной я не слышал, тем не менее один раз в самом начале бега глянул через плечо и увидел, что Евгений Андреевич держался в середине взвода, выделяясь и ростом, и одеждой.

Взвод, как обычно и бывает в боевой обстановке, бежал не колонной, а рассредоточившись, хотя бойцы каждого отделения старались держаться рядом. Это естественный метод передвижения. Если бежать колонной, то противник будет иметь возможность отстреливать задние ряды так, что передние этого могут не заметить.

Правда, подполковник не говорил мне, что снайперская винтовка бандитов снабжена глушителем. А громкий выстрел мы наверняка услышали бы. Да и дистанция пока еще была великовата для зоны поражения СВД.

Тем не менее меры предосторожности на марше следовало соблюдать. Многие командиры подразделений уже обжигались на том, что слепо доверяли данным разведки, которые оказывались не полными и не точными.

Со мной, слава богу, такого пока еще ни разу не случилось. Во многом потому, что у нас в спецназе ГРУ принято обобщать опыт, учиться на чужих ошибках, чтобы не допустить своих.

На бегу я держал планшетник перед собой, повернул его монитором к груди, чтобы со стороны не было видно свечения, способного вызвать выстрел. Я ориентировался по карте, смотрел, куда показывает стрелка. Если впереди появлялось препятствие, которое можно и нужно было обогнуть, я заранее сворачивал в сторону, и взвод следовал за мной. В принципе, передвигались мы почти тем же самым маршрутом, которым до нас прошли снайперы.

Подполковник Звягинцев догнал меня и побежал рядом.

Он глянул на монитор планшетника и спросил:

– Слушай, старлей, а этот твой аппарат прогноз погоды дает?

– Обязательно. Да и у двух моих снайперов на винтовках стоят метеостанции с интегрированным в них баллистическим калькулятором. При необходимости можно воспользоваться. А чем вызван ваш вопрос, товарищ подполковник?

– У меня такое ощущение, что снег вот-вот пойдет. Воздух им пахнет.

– Небо над нами чистое.

– А за спиной что?

Я оглянулся. С моря, закрывая весь горизонт, серьезным массивом ползли тяжелые темные тучи. Они заполняли все пространство с востока и севера, двигались вдогонку за нами.

– Прогноз обычно бывает точным, – сказал я, постучав пальцем по сенсорному монитору. – Сейчас проверим.

Планшетник любезно сообщил мне, что через час двадцать минут на том месте, где мы находимся в данный момент, начнется дождь со снегом.

– Дождь – это ерунда, снег куда хуже, – сказал Звягинцев, поморщился и по-собачьи встряхнул головой, словно сбрасывал с нее целый сугроб.

– Дождь со снегом, а не снег с дождем, товарищ подполковник.

– А в чем разница?

– Это значит, что преимущественные осадки – дождевые. Если бы сообщили, что снег с дождем, тогда преимущественные были бы снеговые.

– Никогда о такой градации прогноза не слышал, – заявил Евгений Андреевич и пожал плечами. – Век живи, век учись.

Я не стал вслух заканчивать поговорку, которая звучит обычно так: «Век живи, век учись, дураком помрешь». Это было бы грубо с моей стороны, но соответствовало бы действительности, поскольку разницу между двумя формулировками прогноза погоды я только что сам придумал, опасаясь, что подполковник пожелает изменить первоначальные планы.

– Следует снайперов поторопить, – предложил Звягинцев.

– Ни к чему, товарищ подполковник. Они и так идут быстро. При этом берегут дыхание. Для снайпера ровное дыхание очень важно, иначе ствол будет болтаться как сосиска. Через пять минут снайперы выйдут на дистанцию, достаточную для прицельной стрельбы. – Я посмотрел на монитор, опять вывел на него карту местности и сказал: – Вижу, что сержант Сухогоров уже на свою дистанцию вышел. Он сейчас на скалу лезет, чтобы высоко сидеть и далеко глядеть. Младший сержант Катков дальше идет в одиночестве. Ему необходимо еще метров двести преодолеть, чтобы выйти на удобную для себя дистанцию. Скорее всего, он где-то вот здесь, среди скал, обоснуется. На одну из них заберется. – Я ткнул пальцем в монитор.

Евгений Андреевич ничего не ответил, только согласно кивнул.

А я на глазок прикинул расстояние от этих скал до бандитского поста. Оно чуть превышало двести метров. Для снайпера уровня младшего сержанта Каткова промах с такой дистанции невозможен. Остановиться раньше ему как раз эти скалы мешали, закрывали обзор. Похоже было на то, что Катков тоже внимательно изучил карту и выбрал для себя самое удобное место.

Но я для того и послал снайперов вперед без подробного инструктажа, чтобы сами решали, откуда им работать.

Сержант Сухогоров уже наверняка забрался на скалу, выбранную им. Потом он, видимо, осмотрел окрестности в прицел, нашел это место удобным и начал там устраиваться. Если бы эта скала его по каким-то причинам не устраивала, то он сверху выбрал бы другую и уже начал бы спуск, чтобы поменять огневую позицию. Но точка на мониторе застыла в статичном положении. Похоже было на то, что Василий сейчас присматривал за бандитами в оптический прицел.

Я пододвинул микрофон ближе ко рту и спросил:

– Сухогоров, как дела?

– Занял позицию, товарищ старший лейтенант, – доложил он. – Присматриваюсь к бандитам. Сейчас их там действительно только трое. Но когда снизу в прицел смотрел, я насчитал пятерых. Возможно, дальше стоял еще один, но мне его видно не было. Снизу не хватало угла обзора.

– Две тройки? Может, смена поста была или проверяющий приходил?

– Это, товарищ старший лейтенант, разве важно? Главное, что остались только трое. Мы с Юрой отработаем их без проблем.

– Катков! – позвал я. – Как у тебя ситуация?

– Приближаюсь к позиции. Думаю, минуты три-четыре осталось.

– Скопление скал ищешь?

– Так точно! Я место по карте определил.

– Понял. Работайте. Со стороны моря нас дождь со снегом догоняет. Постарайтесь до этого успеть.

– Мы видели тучи. Они еще далеко, – за двоих ответил сержант Сухогоров. – Вот вас обязательно вымочит до встречи с нами. Я в прицел вижу.

Сержант, видимо, разворачивался для просмотра вместе с винтовкой. Точка на мониторе активно шевелилась, хотя и не превращалась в вытянутую линию. Это не было предусмотрено программой, которая определяла только месторасположение отдельного бойца по приборам, которые были у него с собой.

– Винтовку на нас не наводи! – строго потребовал я выполнения правила, обязательного для всех военных, – не наставляй на сослуживцев даже незаряженное оружие. А у снайпера винтовка всегда заряжена.

Сержант несколько не смутился и тут же нашел что ответить:

– Я над вами смотрю. Взвод только окуляром захватывается. Если случится выстрел, пуля высоко над вашими головами пролетит. Даже над головой товарища подполковника, хотя он выделяется своим ростом.

– Нормально. Можешь на нас вообще не смотреть. Мы не сахарные, под дождем не растаем. Ты лучше готовься к работе.

– Понял. Работаю, – сказал снайпер, и точка на моем мониторе снова зашевелилась.

А вторая, показывающая, где находится младший сержант Катков, замерла перед группой скал. Видимо, парень выбирал себе место повыше, причем такое, до которого он смог бы добраться.

Не зря мы на батальонной базе ежедневно тренировались на скалодроме. Теперь эти навыки пригодятся.

– Заберется твой парень на вершину? – спросил подполковник Звягинцев. – Я мимо этих скал пробегал, знаю, что они для прохождения сложные.

- Должен суметь, - ответил я. - Он неплохо этому обучен.

У младшего сержанта Каткова на подъем до выбранной им точки ушло семь минут. За это время мы смогли добежать до скопления других скал, где выбрал себе место сержант Сухогоров.

Он сразу доложил мне об этом:

- Вижу вас, товарищ старший лейтенант. Дождь со снегом за вами не угнались, значит.

Тут же на связь со мной вышел и младший сержант Катков.

- Товарищ старший лейтенант, я на месте, - сказал он. - Рассмотрел пост бандитов. Да, там три человека. Сухогоров, мой тот, который сейчас присел.

- Договорились, - согласился сержант. - Только не торопись. Тот, который с биноклем, сдвигается в сторону. Как специально второго под меня подставить хочет. Еще два шага... - Последовала пауза в несколько секунд. - Огонь!

Два выстрела, слышимые только мне и бойцам взвода, да и то лишь потому, что микрофон при прицеливании прижимался тыльной стороной к винтовке, слились в единый.

Глава 4

- Готово, товарищ старший лейтенант, - доложил мне сержант Сухогоров. - Путь свободен. Я спускаюсь, присоединяюсь к взводу.

- Я тоже спускаюсь, - сообщил Катков. - Буду ждать вас у скал. Или навстречу двинуться? Как прикажете.

- Жди на месте.

Спуск со скалы обычно занимает больше времени, чем подъем, и является куда более сложным занятием. Бойцы взвода, в отличие от спортсменов, у которых соревнования проводятся чаще всего именно по подъему, технику спуска тоже отработывали до соленого седьмого пота. Тем не менее это не делает спуск легким занятием даже для опытного скалолаза. Там требуется осторожность, физическая сила и немалое умение.

Мы уже миновали скалы, когда сержант Сухогоров догнал взвод и оказался в своем отделении. До того места, где нас должен был дожидаться младший сержант Катков, осталось совсем немного.

Звягинцев по-прежнему шел рядом со мной. Я уже в который раз посмотрел на карту, выведенную на монитор. По ней выходило, что больше половины пути до базы банды, расположенной в самом ущелье, были вроде бы проходимы для боевых машин пехоты. Но лучше было спросить об этом человека, уже проходившего этот маршрут, прощупавшего место, как говорится, своими ногами.

– Товарищ подполковник, судя по карте, БМП могут нас доставить достаточно глубоко в ущелье. Стоит их использовать? Как вы на такой вариант смотрите?

– А сам-то ты как думаешь, старлей?

– Я бы действовал по привычной схеме, поставил бы машины у ворот, в ущелье бы двинулся пешим строем, а где требуется, даже ползком, чтобы сохранить эффект неожиданности. БМП-3 мы всегда можем вызвать, и они поддержат нашу атаку огнем из пушек. Если прямо сейчас их сюда подогнать, то звук двигателей раньше времени нас выдаст.

– Все верно, – сказал подполковник и наклонил голову в знак согласия с моими аргументами.

– Еще вопрос, ответ на который вы можете и не знать. Как часто меняются на посту часовые?

– Знаю ответ. Днем всего две смены. С наступлением темноты – три. Эмир понимает, что ночью внимательность теряется быстрее. Как, впрочем, и сама жизнь. Но мне показалось, что Мухетдинов не слишком озабочен безопасностью

своих людей. Хотя он и запрещал подчиненным совершать диверсии и теракты, чтобы не привлекать к себе внимание. Его дело – снабжать беспилотниками другие банды, активные. Потому его не искали и не беспокоили. Чем дальше это дело тянулось, тем Мухетдинов больше, как я понял, успокаивался. Хотя мое бегство могло изменить ситуацию. Но у меня был конфликт с одним из бандитов боевой группы. Тот обещал меня убить. Если бы мне не пришлось ликвидировать часовых при уходе, то эмир мог бы подумать, что так оно и вышло. Этот тип меня пристрелил и хорошо спрятал тело.

– Человека вашей комплекции сложно убить, а еще труднее тело спрятать, я думаю.

– Я сам угроз не слишком опасался, тем более что и эмир был на моей стороне. Он считал меня нужным для себя и совершенно не опасным человеком.

– Почему не опасным?

– В банде есть опытный и хорошо обученный хакер. Судя по нескольким замечаниям Мухетдинова, этот тип собрал на меня данные. Эти сведения из моей официальной легенды были занесены в картотеку МВД Ставропольского края. Эмир считал меня человеком, находящимся в бегах, поскольку я был объявлен в международный розыск за нападение на инкассаторскую машину. Предполагалось, что я с большими деньгами уехал за границу. Я заранее знал про хакера и потому ничего из этих данных эмиру не сообщил. Но он сам докопался. Хотя я и допускаю, что это вовсе не работа хакера. Кто-то из осведомителей Мухетдинова имеет доступ к картотеке МВД Ставрополя и Дагестана, где тоже есть данные о моем розыске. Эмир надеялся поживиться деньгами, которые я где-то прятал, поэтому моя жизнь для него имела определенную ценность. Но хакера у Мухетдинова больше нет. К несчастью, он оказался на посту, когда я уходил из банды.

Мы приблизились к скалам, от которых отделился человек с «Винторезом» в руках. Младший сержант Катков имел время на то, чтобы спуститься со своей огневой позиции и встретить нас.

Там же, около скал, я вызвал рядового Сысоева и через него передал приказ механикам-водителям БМП-3, не слишком разгоняясь, выдвигаться в нашу сторону.

Подполковник вопросительно посмотрел на меня и осведомился:

– Не рано?

– Как раз догонят, когда мы к воротам подойдем. Я по карте на планшетнике прикинул расстояние и скорость. Там их и оставим, чтобы вход в ущелье перекрыли. А то двинется кто-нибудь в поддержку Мухетдинова.

– Некому особо двинуться. Поблизости нет ни единой серьезной банды. Должна одна подойти, но она только через пару дней будет границу переходить. Я через подполковника Рагимова передал данные пограничникам. Они подготовятся, встретят, угостят. Рагимов при мне позвонил в разведотдел оперативного штаба погранвойск. У него с ними хорошая связь, старые товарищеские отношения. Еще одна банда должна прийти за дронами, но она идет, как я понял, издалека и неизвестно, когда прибудет.

– По моим данным, поблизости есть несколько достаточно сильных банд, которые пока никак не светятся, только обживают на новых местах. Мы не в состоянии определить их базы. Мухетдинов может иметь с ними связь?

– Я не слышал о таких. Эмир от меня особо ничего не скрывал, но и не докладывал мне обстановку. Значит, случиться может всякое. Но у нас есть связь. В крайнем случае сможем вызвать на подмогу вертолеты.

Тут у меня зазвонил мобильник. Я по старой привычке убрал его в карман, под бронезилет, и теперь долго доставал. Но человек, вызывавший меня, оказался весьма терпеливым. Это был подполковник Рахматуллин из ФСБ. Определитель показал мне его номер.

– Слушаю вас внимательно, товарищ подполковник, – заявил я.

– Ага. Только твоя внимательность для других дел тебе пригодится. Береги ее. Передай трубку подполковнику Звягинцеву, старлей.

Я молча протянул аппарат Евгению Андреевичу. Тот поздоровался с собеседником, а потом больше слушал, чем говорил, и задал только пару уточняющих вопросов.

- Да, у меня сложилось о Гадисове такое же впечатление. Слишком уж он страдающе о жене говорил. Спасибо, Владимир Ахметович. Мы учтем это в своих действиях, - сказал он в конце разговора, выключил телефон и протянул его мне.

Я ждал объяснений.

- Ты почти провидец, старлей! - заявил Звягинцев.

- То есть?.. - не понял я.

- Так ты же заподозрил в Данияле Гадисове провокатора.

- Я не заподозрил, просто предположил, что он мог по наущению эмира работать. Что вам подполковник Рахматуллин сказал?

- Даниял Гадисов никогда не был женат!

- Это еще ни о чем не говорит. Он мог жить с женщиной в гражданском браке.

Сейчас это нормально. Хотя я, человек старорежимный, понять и одобрить этого не могу. Меня с детства в другом духе воспитывали.

- Ни с кем он не жил.

- Такого провокатора, как и любого другого из их плеяды, пристрелить, честно скажу, не жалко.

- Разберемся, - сказал подполковник так, словно я уже поднял автомат, желая дать очередь в программиста-провокатора, который, к счастью для самого себя, в данный момент находился вне зоны досягаемости моих выстрелов.

- Разберемся, - подтвердил я свое согласие с мнением старшего офицера и опытного разведчика. - Но доказательства его сотрудничества с бандитами собрать, боюсь, не удастся. Для этого нам заранее следовало бы знать, кто из них может дать на него показания. Значит, придется уничтожить предателя. Такая вот мера воздействия тоже иногда бывает очень даже справедливой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/samarov_sergey/letayuschie-ubiycy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)